

МХАТ имени Чехова переписывает «Грозу»

В предыдущем выпуске "Театральной площади" "ВК" уже побывал в Камергерском переулке в гостях у Олега Ефремова, Романа Козака, Татьяны Лавровой, Галины Вишневской. Сегодня — слово актеру и режиссеру МХАТа Вячеславу Ефимову, в последний раз в этом сезоне пригласивших критиков поговорить о делах минувших и предстоящих.

Владимир Гуркин

Дмитрий Брусникин

Олег Ефремов

Вячеслав Ефимов

Владимир ГУРКИН

О том, как роман стал пьесой, а глагол — существительным

"Плеч в пригоршню" был не пьесой, а романом для театра. Изначально писался вне существующих театральных законов, с очень большим количеством действующих лиц. Я даже не мог представить, что кто-то возьмется это поставить.

Говорят, не плеч в щепотку, а плеч в пригоршню. Пока можешь плакать, еще есть надежда. В навалии пьесы я это сделал существительным. В прошлом даже самые горькие минуты жизни были животворными. Если и дрались в деревнях, то без садистских моментов. Лежачего не били.

В "Плече" много воплощения из моего детства. Но я в такой же степенной пьесе — мальчик: как Чехов — дядя Ваня. Многие я и придумал. Это ведь вещь художественная. Каждый создает свои "Сто лет одиночества". Я рассказал историю простых людей от 1946 года до наших дней. Разговаривал, что каждый пьеса должна быть подсвечена солнцем. В молодости мне хотелось, чтобы мои пьесы подсвечивались в первую очередь умом. За 12 лет написал 6 пьес. Самая известная — "Любовь и голуби", ее поставили 123 раза.

О положении дел в современной драматургии

Неправда, что сегодня театры потеряли интерес к новым пьесам. Просто последние время в драматургии усиленно культивируется эффект самовыражения, не всем и не всегда интересный. А объяснить причину, почему не берут современные талантливые материалы, очень сложно. Раньше театры хотели, а ЦК не давал ставить. Что мешает сегодня, можно лишь предполагать. Нет, мне ничего не мешает, разве что отсутствие материального достатка: драматургия — это не занятие, на котором можно заработать деньги, чтобы прокормить семью. А так судьба моих пьес благополучная — все идет на сцену.

О дописанной и сокращенной "Грозе"

Последняя работа — переложение "Грозы", которое сейчас ставит Дмитрий Брусникин. Рискуем сильно, но нужно готовиться. В наш спектакль вошли и материалы из Островского, и отрывки из других его пьес. Сначала было идея поставить последнюю незавершенную пьесу Островского по его черновикам. Потом постепенно вышли на "Грозу" и решили на ней сконцентрироваться. И вывели на сцену то, что обычно происходило за кулисами.

Дмитрий БРУСНИКИН

О собственном методе репетиций

"Плеч в пригоршню" — действительно "массовый" спектакль. Играют 42 актера и даже 5 детей. Когда я начинал репетировать, просил актеров принести домашние альбомы с фотографиями. И мы вместе разглядывали мам, пап, бабушек, родных. Что-то происходило, лица менялись, становились добрее. И людям стало сложнее расставаться.

О неадекватной реакции зрителей

Мои спектакли воспринимают по-разному. В Сибири, куда МХАТ ездил на гастроли, у публики, нам показало, душевных качеств было больше, чем у москвичей. Особенная атмосфера там складывалась в зрительных залах, ни с чем не сравнимая. Мои родители посматривали спектакль и замолчали, ничего мне не сказали. А их соседка спросила: "Зачем же вы такое сделали? Мы только-только в деревню жить начали хорошо, а вы опять нас в прошлое возвращаете." Когда-то и про "Утиную охоту" Вампилова говорили критики и его собирали по пьере, что это черная пьеса. Почему так решили?.. Про наш спектакль тоже спрашивали — зачем вы еще раз дьявола болять? А у нас совсем не было такой задачи.

О хоровом пении во МХАТе и реабилитации героев Островского

Сейчас репетируем "Грозу". Кое-что изменили в Островском — не от неведения, а, наоборот, от любви к нему. Мне жалко было многих персонажей — появляются, а потом задолго до конца пьесы бесследно исчезают. Например, Дикой после бенефисной сцены мы постарались сохранить всех героев, чтобы они смогли отреагировать на проблему измены. Убрали "темное царство" и сохранили царство земное. Сейчас занимаемся "расширением человеческого возможностей"; у актеров подготовительный период — учатся петь хором.

Олег ЕФРЕМОВ

О грозящих переменах во МХАТе

На самом деле изменения труппы ожидаются небольшие. В следующем сезоне мы просто полностью перейдем на новую — контрактную систему. Будет три состава: основной, молодежный и переменный. Мы ни с кем не хотим расставаться, но в основной труппе должны быть актеры, которые играют постоянно. И переменный, и основной состав будут на контрактах. Разница будет заключаться в деньгах и определяться нагрузкой. Какая сумма? Вот наш директор, Вячеслав Юрьевич Ефимов, хочет, чтобы по западному образцу денежная сторона контракта держалась в тайне. А я считаю, что в России тайной быть ничего не может. Все по-прежнему все будут знать друг о друге. В нашей труппе сейчас 64 человека. Больше семидесяти, даже шестидесяти восьми не было во МХАТе никогда.

О тяжелых временах

Самый страшный момент Художественный переживал после революции. Театр уехал в Америку, потом в Европу, опять в Америку, откуда вернулся в Европу, потом снова в Америку, и в Россию.

Все были в растерянности — что дальше станет с театром? Наступил действительно кризис театра, какого никогда не было. Потом произошло объединение, и старики вернулись в Москву (Стариками их условно называли — Калашов тогда лет 50 был, а самому старшему мхатовцу — 63). Так вот даже в эти годы заботились о молодежи.

Мы пробовали брать в театр начинающих актеров и целыми группами с выпускного курса школы-студии, и по отдельности. Хотели, чтобы они достойно влились в труппу. Но не всегда все получалось хорошо. А сейчас как раз нужны спектакли, которые в основном бы делали молодые — и играли, и ставили.

По телевизионно слышим, что время постоянных театров ушло. Не торопимся ли мы с выводами? Театр всегда был и останется домом, в котором актеры говорят на одном языке. И можно привести много примеров, это подтверждающих.

О принципах набора выпускников в труппу

Сейчас дело даже не в молодых актерах, которые смогли бы иметь главные роли. На коллегии раньше происходило так: мы билим все-осибудь в труппу театра, потому что мы талантливые и надо звать. И потом он у нас худшим не имеет работы. И сейчас, к счастью, режиссеры в каких-то спектаклях берут и не самых хороших. Если возникает экзотическая необходимость театра в театре и режиссерах в актере, вопрос о приеме студента во МХАТ решается быстро.

О волжских гастролях

На этот сезон, вдохновленные удачей прошлого турне по Сибири, мы все придумали очень красиво: садимся в Москве на теплоход, плывем по Волге, играем в крупных волжских городах. Но чего нам это стоило! Чтобы как-то существовать материально, а день надо играть 3—4 спектакля. В этом году нам все пришлось делать самим и решать и творческие, и организационные проблемы самостоятельно. Самой трудной оказалась диспетчерская работа — составление расписания и оформление гастролей.

О массовых переездах "Бориса Годунова"

Гастрольный вариант "Бориса Годунова" уже был опробован на фестивале в Пскове. Все то же самое, что и в Москве, — свет, декорации, костюмы. Играем только без меняющегося пространства, на ровной плоскости. Станки, позволяющие двигать сцену по вертикали, есть далеко не во всех театрах.

Вячеслав ЕФИМОВ

Еще раз об организационных переменах и новых назначениях

Художественный театр уже несколько лет заключает договоры с сотрудниками. Все — на один год, независимо от ранга и уровня. Старая схема остается, производится только дифференциация контрактов по трем группам: основного состава, молодежного (куда войдут все до 35 лет) и переменного. У Олега Николаевича будут два помощника, в основном составе — Дмитрий Брусникин, в молодежном — Роман Козак. Сумму контрактов театр не разглашает, все счета будут находиться в банке, а деньги выдаваться по кредитным карточкам.

В молодежном и основном составе попадают актеры, занятые в репетициях новых постановок. Если они участвуют только в текущих спектаклях, попадают в переменный состав. Но за художественным руководителем — Олегом Ефремовым остается право числить в основном составе и не задействованных в следующем сезоне.

О прозякающей вещи — зарплате

В первом составе оплата будет сдельная. В постоянном на сегодняшний день у народных артистов зарплата составляет 30 минимальных складов. Но даже и на этот минимум государственных средств явно не хватает. Сейчас они составляют менее 70 процентов. Остальные ищем самостоятельно. Выручает работа творческого характера, которая обычно проходит с выгодой для театра. К волжскому турне нынешнего года это, правда, не относится.

О плавании по Волге

Волжское турне организовывал полностью Художественный театр. Помогла нам фирма «Рест» — выделила теплоход. Министерство культуры подклонило в одном городе — Саратов (Художественный театр во время войны был там в эвакуации) и частично профинансировало там наше пребывание. За 40 дней гастролей покажем более 100 представлений, закончим турне в Театре Чехова в Таганроге. В городах останавливаемся на 1 — 3 дня, в Саратове проводим неделю. Побываем в гостях на Чувашином национальном празднике. В каждом городе по контракту театру выплачивается определенная сумма. Сами города в денежном отношении остаются при нуле, ничего не получают, кроме искусства. Так что вся прибыль (надо заметить, очень незначительная) будет наша.

О разнице в плате за искусство

Волжские гастроли — заведомо убыточные. Вопрос о государственном финансировании решался до последних дней. Распространение билетов погody не складывается — а Поволжье они стоят меньше, чем в Москве, в среднем от 10 до 15 тысяч. В Чувашии самые дорогие билеты — 5 тысяч, а дешевые в опере — 500 рублей.

О сезоне гастрольном и дачном

Практика проведения гастрелей Художественного театра летом показывает, что даже в самый разгар отпусков наши заль все-гда полны. Мы делаем доступные цены на билеты, чтобы те, кому театр интересен, могли позволить себе прийти к нам. Но просим, чтобы местные представители администрации не злоупотребляли контрамарками, продавали билеты. Привыкшие ходить в театр так будут обделены.

Записала Ирина КОРНЕЕВА.
Фото Игоря АЛЕКСАНДРОВА.